

№ 27
172

Н. Е. ОНЧУКОВЪ.

801-13
605

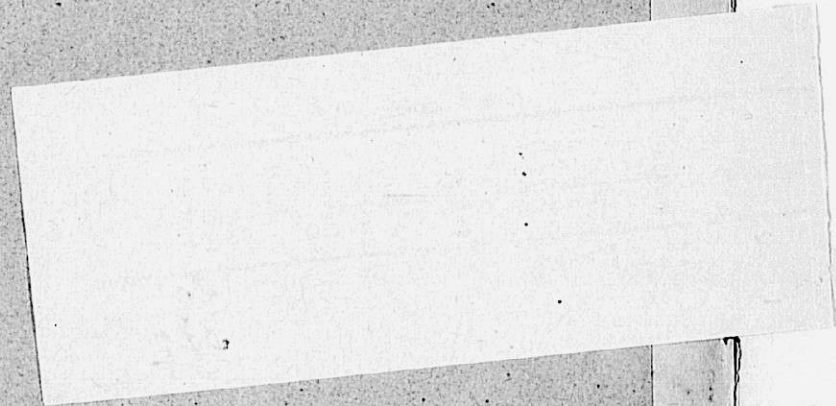
320
9

СТАРИНА И СТАРООБРЯДЦЫ

Изд. 1688

1488

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. О. Пасторъ Фонтанка 94.
1905.

И. П. ОНУКОВ

СТАРИНА

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

2011122904

Старина и старообрядцы.

(Поѣздка въ Поморье и Заонежье).

I.

По порученію Отдѣленія Этнографіи, я побывалъ лѣтомъ 1903 г. въ Поморьѣ, Кандалухѣ ¹⁾ на Терскомъ берегу, на Мурманскомъ берегу и въ селеніяхъ Архангельскаго уѣзда, вблизи губернскаго города, а лѣтомъ 1904 года въ Олонецкой губерніи, въ уѣздахъ: Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ и главнымъ образомъ въ Повѣнецкомъ, гдѣ въ селѣ Шуньгѣ даже жилъ, не выѣзжая, полтора мѣсяца. Главной цѣлью поѣздокъ того и другого лѣта были этнографическія работы: записываніе сказокъ, пѣсенъ, преданій, особенностей говора, а также наблюденія надъ жизнью населенія общаго характера. Но занимался я также оба лѣта и отыскиваніемъ среди населенія посѣщенныхъ мной мѣстностей рукописей для 2-го Отдѣленія И. Академіи Наукъ, а лѣтомъ 1904 г., кромѣ того, и приобрьтеніемъ этнографической коллекціи для Этнографическаго Отдѣленія Музея Александра III, и отыскиваніемъ и приобрьтеніемъ русскихъ древнихъ и старыхъ вещей вообще. Покупка рукописей для Академіи и вещей для Музея дѣло, кажется, простое, но оно требуетъ, однако, столько времени, чтобы купить вещи, а главное отыскать и уговорить владѣльцевъ продать, затѣмъ составить списки, пронумеровать, запаковать экономически и переправить, такъ что времени для работы другого характера, именно для записей—уже и не остается. Но хорошо и то, что хотя поиски мои не пропали даромъ: въ 1903 г. въ Поморьѣ я приобрьлъ свыше 60 рукописей, 52 изъ которыхъ поступили въ бібліотеку Академіи Наукъ; въ это лѣто въ Олонецкой губерніи рукописей, старопечатныхъ книгъ, гравюръ и акварельныхъ картинъ такъ называемаго «даніловскаго письма» приобрьтено мной свыше сотни. Цифры совсѣмъ небольшія, сравнительно съ количествомъ рукописей, привозимыхъ, ежегодно почти, В. И. Срезневскимъ, который лѣтомъ 1903 года изъ Олонецкой губерніи привезъ колоссальное количество рукописей, что-то около 13 пудовъ. Но В. И. Срезневскій ѣздитъ за рукописями исключительно, ѣздитъ въ заранѣе извѣстныя ему мѣстности, пользуется указаніями о нахожденіи рукописей здѣсь въ Петербургѣ; кромѣ того онъ располагаетъ спеціальными для по-

¹⁾ Селенія по западному берегу Кандалакского залива.

кунки рукописей весьма значительными в сравнении с моими средствами. Я же никогда не ставил покупку рукописей специальной целью своих поездок, средства мои на поездки обыкновенно до смешного малы, вследствие чего очень часто приходится не покупать рукописи только потому, что за них дорого просят. Для музея Александра III-го нынче я привез целую коллекцию праздничных преимущественно костюмов из Петрозаводскаго, Повенецкаго и Каргопольскаго уездовъ, а также полотницы, утварь и другія старинныя вещи; въ Поморья для музея мнѣ удалось собрать коллекцію рѣзныхъ и раскрашенныхъ «пальцевъ»—колотушекъ для бѣлья, интересныхъ тѣмъ, что «пальцы» эти не есть кустарное издѣліе, или даже издѣліе хотя и искуснаго, но все-же специалиста-мастера, столера или плотника. Каждая палица, собственно орнаментъ на ней есть личное такъ сказать творчество каждаго отдѣльнаго помора, дѣлавшаго палицу зимой, въ свободное отъ промысловъ время, на память, своей женѣ.

Былины ни въ Олонецкой губерніи, ни въ Поморья я не записывалъ, да мнѣ и нечуждо было дѣлать это поэтъ Гильфердинга и А. Д. Григорьева. При поездкѣ на Мурманъ, на пароходѣ сказали мнѣ, что въ Колѣ одинъ старикъ знаетъ былины; я обрадовался было, отыскалъ старика, и когда сталъ просить пѣть, онъ отказался и сказалъ, что теперь онъ ничего не поетъ, но дѣйствительно, когда былъ моложе, пѣлъ «Боже царя храни». Ясно, что о былинахъ онъ не имѣлъ понятія.

Въ отношеніи записей сказокъ, преданій и пр. объ мои поездки нельзя сказать, чтобы были блестящи: сказокъ, во 1-хъ, я записалъ меньше, чѣмъ въ свои поездки на Печору, во 2-хъ и сказочниковъ такихъ во истину прекрасныхъ какъ, на Печорѣ, ни въ Поморья, ни въ Олонецкой губ. я не нашолъ. Объясненію это обстоятельство тѣмъ отчасти, что лѣтомъ 1903 года, сдавая экзамены въ Археологическомъ Институтѣ, въ Поморья я попалъ только въ 20-хъ числахъ мая, когда все уже почти мужское населеніе Поморья отправилось на промыселъ трески на Мурманскій берегъ. Поездка этого лѣта также не могла состояться раньше 20-го мая въ силу того, что запоздалъ выходомъ мой сборникъ «Печорскихъ былинь», а съ іюня всѣ олонецкие уже заняты полевыми работами. Въ іюль 1903 г. попалъ я на Мурманъ, гдѣ собираются на все лѣто поморы, но тамъ былъ тогда разгаръ промысла и во всемъ чуялась такая кинучая жизнь, такая лихорадочная дѣятельность, что о пѣніи поморами былинь, или о рассказываніи ими сказокъ, нечего было и думать, нельзя было завестись и рѣчи. Мурманъ самъ по себѣ, даже по своей природѣ, очень мало похожъ на русскую область, хотя-бы на то же Поморье, съ его прекрасными древними церквами, крайне интересными селеніями, съ ихъ постройками старорусскаго хорошаго типа.

Присутствіе на Мурманѣ, среди русскіхъ поморовъ, шведовъ, норвежцевъ, финляндцевъ, придаетъ Мурману уже совсѣмъ видъ «за-

границы». Впрочемъ иллюзія можетъ длиться только до перваго столкновенія съ порядками, какъ и вездѣ безалаберными,—тутъ ужъ почувствуешь, что это несомнѣнно матушка Россія. Поморы, ежегодно ѣздящіе на Мурманъ, гдѣ имъ всегда приходится, иногда подолгу, имѣть дѣло съ иностранцами, невольно подражаютъ постыднымъ и въ костюмѣ, и во многомъ другомъ, не смотря на свое старообрядство. Особенно это можно сказать про молодыхъ поморовъ, которые совершенно перестаютъ интересоваться былинами, сказками, старинными пѣснями, и крайне стѣсняются что ибудь рассказывать или пѣть. Поморки же и поморы дряхлые старики, которые не уѣхали изъ дому на Мурманъ, принимали меня сурово, также трудно соглашались рассказывать и пѣть, а то, что они рассказали и спѣли, въ большинствѣ далеко въ качественномъ отношеніи уступало Печорскому.

Суровость женщинъ Поморья и стариковъ я объясняю тѣмъ, что почти сплошь все населеніе Поморья старообрядцы, а старики и женщины въ старообрядчествѣ нетерпимѣе и аскетичнѣе въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ всѣ остальные элементы населенія. Кромѣ того, «поморскій расколъ» здѣсь, на мѣстѣ его возникновенія, гораздо суровѣе, чѣмъ, напр., на Печорѣ или положимъ на Мезени. И этому есть свои историческія причины. Старообрядческое Поморье, по своему мѣстоположенію на берегу Онежскаго залива, всегда было несравненно болѣе доступно для архангельскаго-ли, или для Петербургскаго духовнаго начальства, чѣмъ Мезень, Печора, Корела, а это духовное начальство не пріучило нашихъ старообрядцевъ къ довѣрью и откровенности. «Вездѣ цѣпи брячаху, вездѣ вериги звеняху, вездѣ тряски и хомуты Никонову ученію слушаху, вездѣ бичи и желіе въ крови неповѣдническою повседневно омочахуся»¹⁾. Такъ, по общему выраженію старообрядческаго историка, началась миссіонерская дѣятельность православнаго духовенства въ Поморскомъ краѣ. «Біеніемъ и ранами, лукавствомъ и коварствомъ злымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождяху проповѣдницы Никоновскихъ новинъ,—продолжаетъ тотъ-же историкъ,—и отъ мучительства обліяхуся все грады кровью, утопаху въ слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и стонаніи пустыни и дебри»²⁾. Разумѣется теперь не брячатъ цѣпи, не трясутся хомуты на дыбахъ и не обливаются кровью старообрядцевъ города; все это, слава Богу, есть только страшное достояніе исторіи народнои вѣры въ Россіи, но слезы горечи и обиды зачастую льются и теперь по всему Поморью, да и не по одному ему, а вездѣ, гдѣ живутъ насыпни земли русской,—старообрядцы. Въ Поморья, на Печорѣ, въ Олонецкой губерніи и нынче только и слышишь: то священникъ остановилъ похоронную процессію, съ помощію урядника и понятыхъ записъ по-

¹⁾ «Исторія Выговецкой старообрядческой пустыни». Стр. 25.

²⁾ Тамъ-же.

койницу въ церковь и силой, вопреки желанію всѣхъ и предсмертному желанію покойной, отпѣлъ по православному обряду; то рассказываютъ, что урядникъ ночью вломился въ мирный крестьянскій домъ и съѣлъ обыскъ, «изловить» молящихся Богу странницъ-старушекъ и отправилъ ихъ по этапу. Приведенные въ примѣръ факты, которыхъ множество, подтвержденныхъ притомъ переходящими изъ поколѣнія въ поколѣніе историческими примѣрами болѣе серьезныхъ гоненій, конечно не располагаютъ старообрядцевъ къ полной откровенности; въ совершенно невинномъ занятіи, напр. записываніи сказокъ или покушкѣ рукописей, исторически запуганные старообрядцы начинаютъ видѣть какой-то подвохъ, какую-то каверзу или ловушку. Сказки или былины записываются, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, для того—не проговорится-ли въ нихъ человекъ объ чемъ нибудь, за что преслѣдуютъ, напр. о царѣ; покушку рукописей многіе объясняютъ тѣмъ, что старину собираютъ въ народѣ, увозятъ въ Петербургъ, а тамъ сжигаютъ,—чтобы совсѣмъ она на бѣломъ свѣтѣ перевелась, а дѣлаютъ это по просьбѣ православныхъ поповъ. Однимъ словомъ, переносъ взглядъ свой съ «никонианскаго» духовенства, какъ зовутъ старообрядцы православныхъ священниковъ, на «никонианъ» вообще, поморы, а особенно женщины и старики, и къ «никонианамъ» не духовнымъ, т. е. вообще ко всѣмъ нестарообрядцамъ относится крайне недоверчиво, осторожно, политично. Не сразу вызовешь на откровенность въ Поморьѣ, какъ это всегда, почти было на Печорѣ, гдѣ народъ чрезвычайно доверчивый, искренній, простодушный. Въ Поморьѣ-же въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, особенно тѣхъ, гдѣ придерживаются «аристовицныя»¹⁾ меня просто не пускали въ нѣкоторыя избы, не желая имѣть со мной никакихъ дѣлъ и разговоровъ. Но видя сначала въ каждомъ новомъ человѣкѣ непременно врага, человека желающаго причинить какое-то горе, старикъ-поморъ или чаще старуха-поморка, какъ только убѣдится въ незлобности вашихъ намѣреній,—довѣрйо и благодарности, просто только за чело-вѣческое къ нимъ отношеніе, не оскорбляющее грубыми отзывами дорогого для нихъ міра ихъ религіозныхъ вѣрованій—не будетъ конца. Они многое вамъ расскажутъ, все почти покажутъ, уступятъ много,

¹⁾ *Аристовица* одна изъ безноповицнскихъ сектъ; выродилась она изъ Оедоевцины; главное отличіе аристовицы отъ послѣдней въ томъ, что аристовцы считаютъ бракъ совершенно лишнимъ установленіемъ, предоставляя отношенія мужчины къ женщинѣ на произволъ каждаго. На практикѣ однако тѣ и другія держатъ себя другъ отъ друга далеко, даже не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ. Отношеніе къ свѣтской власти, какъ служащей антихристу—незаконно; истинный христіанинъ долженъ свѣтской власти велически избѣгать. (А. С. Пруганинъ „Расколъ—Сектанство“ стр. 408—414. Въ Поморьѣ, какъ и вездѣ впрочемъ, послѣдователей этой крайне суровой и очень нетерпимой секты очень немного; встрѣчалъ я однако аристовцевъ въ Сумѣ, и чуть-ли не больше всего ихъ въ д. Сухой-наволоки. Вѣдъ сами очень суровую жизнь, послѣдователей другихъ сектъ въ Поморьѣ аристовцы называютъ „широкими“.

изъ того, что имъ самимъ мило и дорого, напр. какую нибудь рукопись или картину. Но повторю, сразу этого не достигнуть—для довѣрія нужно время.

Понятно послѣ этого мое удивленіе, когда, понавѣ, послѣ первоначальнаго суроваго приѣма у старообрядцевъ, въ ихъ-же старообрядческіе скиты¹⁾ я сразу встрѣтилъ тамъ обратное къ себѣ отношеніе. Въ Пѣртозерьѣ, пробираться куда нужно нѣшкомъ по жердочкамъ, проложеннымъ по мхамъ и болотамъ, не только меня сразу любезно приняли, напоили чаемъ изъ чайника (самоваровъ въ скиту нѣтъ, а изъ чайничка изрѣдка побаловаться чайкомъ, потихоньку другъ отъ дружки, не такъ грѣшно), выводили по кельямъ снасающихся въ скиту старичковъ и старушекъ, но показали всѣ книги, а спать положили въ моленной, хотя настоятеля Ѳедора Александровича и не было дома. Въ Лахту я попалъ подъ мѣстный годовоіи праздникъ—Петровъ день, и мнѣ разрѣшили присутствовать даже на всенощномъ бдѣніи²⁾, которое продолжается дѣйствительно всю ночь, отъ 10 часовъ вечера до 8 часовъ утра; служба идетъ по монастырскому уставу, причемъ изъ книгъ не выбрасывается ни строчки.

Долженъ однако сказать, что доверчивость сразу въ скитахъ, отчасти показная: это выработанная многолѣтнимъ опытомъ ласковость съ постороннимъ «съ вѣтру» человекомъ, чтобы всячески его умаслить и удобрить—приѣмъ, къ которому все время жизни раскола должны были прибѣгать всѣ скитскіе жители, особенно-же ихъ заправилы, при своихъ вольныхъ и невольныхъ сношеніяхъ съ гражданскимъ и духовнымъ начальствомъ.

Поди-ко не прими ласково и не выкажи хоть показнаго довѣрія какому нибудь становому приставу, а то и уряднику даже и нынче, когда часто просто отъ каприза того и другого зависить и то небольшое благополучіе, которымъ кой-гдѣ пользуются нынѣ старообрядцы. Кромѣ того, всѣ скитскіе жители и вообще гораздо опытнѣе въ распознаваніи людей и въ опредѣленіи степени вредности ихъ для дѣла «древляго благочестія». Опытность эта въ большой степени присуща скитникамъ, живущимъ въ глуши, на берегу озеръ или посреди болотъ, а какимъ нибудь отдѣльнымъ семьямъ, живущимъ хотя бы и въ бойкихъ селеніяхъ Поморья иногда совершенно недоступная.

То, что я сказалъ относительно отсутствія хорошихъ сказочниковъ въ Поморьѣ, въ полной мѣрѣ приложимо къ Повѣнецкому уѣзду, Олонецкой губерніи, гдѣ въ Заонежьи и на Выгозерьѣ я только и пробовалъ записывать сказки. Пробовалъ я искать хорошихъ сказочниковъ, но тщетно, пробовалъ записывать отъ такихъ, какіе попада-

¹⁾ Пѣртозерскій скитъ или „Пѣртозеро“, въ 12-ти верстахъ отъ Сумскаго посада Лахтинскій—„Лахта“, верстахъ въ 16-ти отъ г. Архангельска.

²⁾ Правда стоя въ прихожей моленной и смотря черезъ стеклянную дверь.

лись, но результаты были таковы, что отбивали всякую охоту къ дальнѣйшей работѣ. Про ту часть Заонежья—Шуньгу, гдѣ я дѣлалъ эти опыты еще Гильфердингъ, слышалъ, что тамъ едва ли есть былины¹⁾. Онъ не поясняетъ почему нѣтъ, однако слышанное было для него до того очевидно, что въ Шуньгу, которая была совѣтъ на его пути, Гильфердингъ не поѣхалъ. Причина почему область Шуньги была при Гильфердингѣ бѣдна былинами, а теперь сказками—это ярмарка въ Шуньгѣ. До самого послѣдняго времени Шуньга играла такую-же роль въ Олонецкой губерніи и Поморьѣ, какъ Нижній-Новгородъ на востокѣ Европейской Россіи. Шуньга была центромъ поморской торговли; Москва и Варшава, въ особенности Бѣлое море и Петербургъ хорошо знали Шуньгу, и купцы изъ этихъ мѣстъ ѣздили въ нее. Обороты ярмарки въ 60-е годы прошлаго вѣка доходили до 800 тысячъ и даже до милліона рублей. Однимъ словомъ, ярмарка въ Шуньгѣ была отнюдь не мѣстная, а областная; относительно-же ярмарокъ можно сказать, что если многолюдіе и праздничное настроеніе, присутствіе ярмаркѣ небольшой, мѣстной, можетъ служить поддерживающимъ элементомъ для обмѣна жителей былинами, сказками, пѣснями, какъ это я наблюдалъ напр. въ Устьцѣльмѣ на Печорѣ, то большія ярмарки, внося слишкомъ много новаго, неизвѣстнаго въ данную область, разрушаютъ такъ сказать невинность возрѣвшаго народа и обезцѣпляютъ въ глазахъ жителей и то, что въ данной мѣстности по части стараго народнаго творчества существуетъ. А въ Шуньгу, кромѣ какъ изъ вышеуказанныхъ городовъ, прѣѣзжали даже изъ-за границы. Поездія-же народная, былинная-ли, или сказочная прѣбуетъ для своего процвѣтанія и даже просто существованія такъ сказать дѣтственной нетронутости вѣрованій и чувствъ народа.

Если для части Заонежья—Шуньги, ярмарка служила такъ сказать искоренителемъ въ ней сказокъ и былинъ, то и для всего Заонежья вообще есть причина, почему и тамъ едва-ли можетъ быть теперь въ хорошо сохранившемся видѣ все это. Во всемъ Заонежѣ народъ далеко не тѣ, что напр. на Печорѣ или Мезени и даже въ Поморьѣ: народъ въ Заонежѣ разбитой, бойкій, своимъ видомъ, больше подходящій къ горожанамъ. Этому причина—близость Заонежья къ Петербургу. Въ послѣднемъ почти изъ каждой деревни Заонежья кто нибудь да живетъ, чаще въ приказчикахъ, рѣже въ ремесленникахъ и прислугахъ. Рѣдкій не только мужчина, рѣдка женщина изъ Заонежья не бывали въ Петербургѣ. А Петербургъ, эта бездонная прорва, высасывавшая лучшіе соки изъ цѣлой громадной округи на многія сотни верстъ, быстро и рѣзко сглаживаетъ не только внѣшнія этнографическія особенности народа, но развращаетъ и его душу, мѣняетъ область его міровозрѣній. Заонежанину

побывавшему въ Петербургѣ, а особенно въ немъ прожившему, неминуемо приходится вкусить легкихъ плодовъ внѣшней трактирной культурности цивилизаціи уличной прессы, «искусства» монопольныхъ, народныхъ развлеченій комитетовъ обществъ трезвости. А вкусившему ихъ уже нѣтъ ни времени, ни охоты заниматься «такими глупостями какъ былины или сказки», когда въ народномъ домѣ «приставляютъ ужасъ какіе интересныя комедіи и оперы», и тамъ же съ открытой сцены, полуголая женщина поютъ такіе великолѣпные романсы. Происходитъ переворотъ, медленный, постепенный, но все-же исторически неизбежный и въ самой деревнѣ. Въ Заонежѣ не притко, но твердо работаетъ земство, шумитъ монополька съ ея чайными общества трезвости, многіе крестьяне выписываютъ газеты, гдѣ нынѣшнимъ лѣтомъ зачитывались о войнѣ. Далеко шагнула нынче наша сѣверная деревня со стороны цѣло внѣшней культурности: уже три года назадъ на далекой Печорѣ я слышалъ граммофоны, а въ Шуньгѣ собственными глазами я лицезрѣлъ, какъ сыновья мѣстныхъ богачей раскатываются по улицамъ Шуньги на велосипедахъ. Мѣсто-ли тутъ былинамъ?

Совѣтъ плохо понятна крестьянамъ была моя любознательность къ былинамъ и сказкамъ нынче лѣтомъ: какой особый интересъ можетъ представить былина, когда такъ много захватывающаго въ газетахъ? Чтѣ любопытнаго въ былинѣ, гдѣ такъ долго нужно слушать о битвѣ какихъ-то двухъ богатырей, когда въ любомъ номерѣ «Биржевки» заонежанинъ можетъ вычитать, какъ русскіе японцевъ чистятъ какъ картошку? Уничтожаются люди не десятками, какъ въ былинахъ, а тысячами и десятками тысячъ. «Подъ Портъ-Артуромъ» погибло 17.000 японцевъ—читаетъ сегодня заонежанинъ, а на слѣдующую почту гибель японцевъ въ тысячахъ выражается уже цифрою сорокъ. Вообще, чтѣ въ сравненіи съ ужасами японской войны бѣды былинныхъ героевъ, и что въ сравненіи съ самой интересной, но извѣстной и переизвѣстной былинной, любой номеръ любой ежедневной газеты? Былины могли храниться, любить и пѣться до тѣхъ поръ, пока къ нимъ могло существовать такъ сказать религиозное отношеніе, пока мораль, въ нихъ проповѣдуемая, была моралью для тѣхъ, кто былины пѣлъ, пока идеалы героевъ былинны почти совпадали съ идеалами лицъ былинны пѣвшихъ и взгляды на жизнь былинныхъ героевъ были тождественъ со взглядами пѣвцовъ бы, лишь. Но когда на верху, въ интеллигенціи, такъ сказать начердакъ жизни являюся сверхчеловѣки, сѣбло шагающіе по ту сторону добра и зла, внизу, «въ подвалѣ жизни», въ крестьянствѣ, безъ чернильныхъ ераженій на листахъ газетной бумаги, а въ глубинѣ души народной также происходитъ «переоцѣнка цѣнностей», зависящая можетъ быть просто отъ измѣненія экономическихъ условій жизни. Разрушается старая, патриархальная, основанная на обработкѣ земли и промыслахъ, домашняя жизнь, а съ ней выѣтъ и все то, чтѣ эту жизнь до нѣкоторой степени красило и удовлетворяло. За-

¹⁾ «Олонецкая губ. и ея районы». «Сборн. Отд. русск. языка и слов. П. А. Н.» т. 59, стр. 36.

бываются старья пѣсни, быльницы, сказки, потому что уже не могутъ они удовлетворить нарушенную дѣйственность мысли и вѣры современнаго крестьянина. Не удовлетворяясь старыми идеалами, крестьянство жадно ищетъ новыхъ...

II.

Къ борьбѣ старой русской культуры съ чѣмъ-то новымъ, пока еще очень смутно выяснившимся, въ Заонежѣ примѣшивается еще одинъ очень сильный по вліянію элементъ—это вліяніе на все Заонежье бывшаго старообрядческаго Даниловскаго монастыря, закрытаго 50 лѣтъ назадъ, но все еще очень сильно дѣйствующее. Это вліяніе, примѣшиваясь къ боренію стараго и новаго теченій, дѣлаетъ Заонежье однимъ изъ интереснѣйшихъ мѣстъ въ Русн деревенской. Съ одной стороны Петербургъ съ трактирно-народнодомной цивилизаціей, съ другой ярмарка, правда годъ отъ году падающая; но въ то же время еще живы и послѣдніе могикане знаменитой на сѣверѣ Россіи старообрядческой обители, живы еще лица, видѣвшія его богатство и славу, присутствовавшія при одной изъ безмысленныхъ жестокостей Николаевской бюрократіи,—при закрытіи центра не только грамотности дѣлага края, но и центра развитой промышленности, торговли и своеобразнаго народнаго искусства.

Если Поморье иапе насквозь такъ сказано пропитано Соловецкимъ монастыремъ¹⁾, то Заонежье также пропитано, пропитано сколкомя съ Соловецкаго монастыря—Даниловскимъ монастыремъ, онъ же Выгорецкій скитъ. Вліяніе монастыря или скита, основаннаго дьячкомъ с. Шуньги Данилой Викуличемъ, а прославленнаго знаменитымъ Андреемъ Денисовымъ, на сѣверѣ Россіи огромно и широко. За тысячи верстъ на далекой низовой Печорѣ видѣлъ и слѣды монастыря, этой Москвы сѣверно-русскаго старообрядчества. Великопоженскій скитъ на рѣкѣ Шижмѣ, притокѣ Печоры, сыгравшій въ этомъ краѣ большую роль, возникъ естественнымъ ходомъ вещей, но вознесся онъ и сталъ вліятельнымъ на всю Печору вѣроятно только потому, что пришелъ туда и сталъ во главѣ скита выходецъ изъ Выгорецкаго жительствова Іоанъ Акиндиновичъ²⁾, который ввелъ тамъ Даниловскій уставъ и завелъ сношенія скита со всѣмъ остальнымъ старообрядчествомъ.

¹⁾ Слѣды Соловецкаго монастыря въ Поморьѣ—въ церквахъ, въ книгахъ, въ рукописяхъ, въ надписяхъ на тѣхъ и другихъ, въ названіи урочищъ, въ преданіяхъ.

²⁾ Такъ говорится объ немъ въ старообрядческой рукописи: «Номинутый-же Іоанъ Акиндиновичъ, родомъ съ Ростова города, вышедъ сперва староверства ради, еще младъ смѣй, въ нижегородскія пустыни... и послѣ пришедъ въ Выгорецкое жительство... и послѣ съѣха на оную Печеру, по званію тамошнихъ печерскихъ жителей»...

Но чѣмъ ближе къ Повѣнецкому уѣзду Олонецкой губерніи, гдѣ въ 72 верстахъ отъ уѣзднаго города находится разоренная теперь обитель, тѣмъ слѣдовъ ея больше и больше. Въ Поморьѣ вліяніе Даниловскаго монастыря такъ сказать еще борется съ знаменитой на Сѣверѣ православной обителью, Соловецкой; но и тамъ, не смотря на то, что Поморье давнымъ давно обшарено скуйщиками старинны, я видѣлъ рукописи даниловскаго письма, картины писанныя тамъ же, орнаменты на рукописяхъ, рѣзбу на могильныхъ столбикахъ замѣтованные изъ Данилова. Въ Заонежѣ Даниловъ монастырь вліялъ прежде на жизнь, а теперь сохранился въ памятникахъ уже всецѣло. При первомъ-же моемъ знакомствѣ съ Заонежьемъ, слѣды Данилова стали просто кидаться въ глаза все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, и въ концѣ концовъ мнѣ приходилось только удивляться тому повидимому огромному количеству имущества въ иконахъ, книгахъ, рукописяхъ, предметахъ обихода, которые имѣлъ Даниловъ монастырь, до своего окончательнаго паденія въ 1857 году. Большое количество иконъ большой цѣнности и теперь все еще держится въ селеніяхъ Заонежья и Обонежья, не смотря на то, что только самые состоятельные хозяева не продавали иконъ. Продавали иконы возами, десятками возовъ. Какъ только выяснилась выгодность антикварнаго дѣла, скуйщики старинны потокомъ хлынули на разоренную обитель и вывозили все, что было хотя сколько нибудь цѣнно. И все-таки теперь, не смотря на все это, не говоря уже о церквахъ и часовняхъ, во всякомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ иногда находится цѣлая коллекція прекрасныхъ, часто униженныхъ жемчугомъ иконъ, настоящей стоимости которыхъ владѣльцы иногда даже и не подозреваютъ, а только почти инстинктивно, до послѣдней возможности стараются не продавать ихъ, какъ материнское или отцовское благословеніе, или потому, что это «досюльщина», «даниловищина», которую по старому очень уважаютъ и цѣнятъ. Въ Заонежѣ, въ Поморьѣ, на Печорѣ и вообще есть убѣжденіе, что «божество», т. е. иконы не слѣдуетъ продавать—это «послѣднее дѣло», т. е. прибѣгать къ продажѣ иконъ допустимо только въ случаяхъ отчаянной нужды.

Много въ Заонежѣ изъ Данилова монастыря было и рукописей. 212 рукописей «выголекенской бібліотеки» описалъ г. Е. Барсовъ въ 6-мъ вып. «Извѣстій занятій Археографической Коммисіи». Но то, что описалъ г. Барсовъ и то, что хранится теперь въ архіерейскомъ домѣ въ Петрозаводскѣ, разумѣется жалкіе остатки всего того, что было дѣйствительно въ мужскомъ и женскомъ Выгорецкихъ скитахъ—въ Даниловѣ и на Лексѣ. Самъ г. Е. Барсовъ говоритъ, что при приѣмѣ выголекенской бібліотеки въ Петрозаводскѣ, выяснено было только, «какія книги выданы изъ этой бібліотеки и на какія есть россійски, а на какія нѣтъ» (стр. 17), а куда рукописи дѣвались—не слѣдуетъ предполагать. Цѣлано для ихъ возвращенія въ бібліотеку—ни слова.

Зато на эту тему очень определенно говорит Майновъ 1). Его долго не допускали осматривать рукописи архіерейскаго дома, требовали удостовѣренія въ личности, росписки, подписки и пр. а когда въ бібліотеку все-таки допустили, то просили «не воровать книгъ». Странную на первый взгляд просьбу Майновъ объясняетъ тѣмъ, что «прежніе изслѣдователи достаточно уже *поисчерпали* этотъ источникъ», «такъ недавно одинъ ученый мужъ занимавшійся въ той же бібліотекѣ потихоньку увезъ нѣсколько крайне интересныхъ рукописей». Впрочемъ, осуждавшій такой образъ дѣйствій «господъ экспертовъ отъ науки», Майновъ и самъ сдѣлалъ то же, только явно; на той-же страницѣ онъ говоритъ: «благодаря разнымъ вспомогательнымъ мѣрамъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ, мы получили наконецъ возможность заняться поподробнѣе на досугѣ тѣмъ интереснымъ апокрифическимъ матеріаломъ, который удалось «намъ розыскать въ архіерейской бібліотекѣ» т. е. попросту говоря: удалось увезти рукописей домой.

Въ самое послѣднее время, извѣстно намъ, выголексинская бібліотека еще разъ весьма основательно «изслѣдована»... А бібліотека эта, въ ея первоначальномъ видѣ, тогда еще, когда она хранилась въ Даниловѣ и на Лексѣ, была въ полномъ смыслѣ замѣчательна. Она была такъ богата, что было время, когда едва-ли можно было видѣть гдѣ либо еще такую-же. Духовный писатель конца XVIII в. протоіерей Андрей Іоанновъ (Журавлевъ) «видѣлъ въ рукахъ старообрядцевъ довольно такихъ книгъ, которыя подписаны собственными руками благочестивыхъ особъ царской фамиліи: царевенъ, князей и княгинь, или котораго нибудь архіерея и патріарха изъ древнихъ російскихъ архіепископовъ 2). Разумѣется далеко не все изъ этихъ рукописенныхъ сокровищъ отобрало строгое начальство, при закрытіи скитовъ въ 1857 году. Самое цѣнное разумѣется припрятано было старообрядцами въ укромныя мѣстечки, а то и продано; и многое изъ этого припрятаннаго попало въ Заонежье, въ Поморье, въ Каргопольщину, въ Москву и Петербургъ, разошлось по всей старообрядческой Руси, во всемъ русскимъ книголюбанъ и любителямъ русской старины вообще. Самое цѣнное изъ имѣвшихся въ Выгорьцкихъ скитахъ иконъ и рукописей было, конечно, не даниловскаго или лексинскаго производства, а производства старорусскаго, а то и древнерусскаго вообще, но и сами Выгорьцкіе скиты много написали иконъ и рукописей, иногда просто копій, иногда-же и оригинальныхъ произведеній. Особенно послѣднее касается конечно рукописей-сочиненій. «Собственныя сочиненія выговцевъ могли-бы составить цѣлую бібліотеку: но нечисленію старообрядческаго писателя Павла Любоньгина, только одинъ Андрей Денисовичъ напи-

1) В. Н. Майновъ. «Поѣздка въ Обонежь и Корелу». С.-Петербург. 1874 г. стр. 43—44.

2) Андрей Іоанновъ. «Полное историческое извѣстіе о древнихъ строгольникахъ и новыхъ раскольникахъ» ч. 2, стр. 8.

салъ 106 разныхъ сочиненій, Семень Денисовичъ 46, Даниилъ Матвѣевъ 18, Андрей Борисовъ 19». Въ скитахъ были и писательницы: «сестра Гаврііла Семенова составила такое похвальное слово своему брату, которое обличаетъ въ ней основательное знаніе тогдашней риторикѣ» 1). Писательство въ Даниловскомъ монастырѣ, начавшееся съ первыхъ годовъ его жизни, непрерывно продолжалось до дня его смерти и разграбленія, и даже послѣ этихъ варварскихъ событій. Скитники и скитницы, разогнанные послѣ закрытія монастыря въ разныя углы преимущественно Заонежья и Поморья, не переставали заниматься тѣмъ, чѣмъ они занимались, живши въ Даниловѣ и на Лексѣ, примѣняли свои знанія даниловскаго искусства и науки и при новыхъ условіяхъ жизни. Небольшой архивъ бумагъ посчастливилось мнѣ приобрести нынче въ бѣдной деревушкѣ Корельскій Островъ, на Выгозерѣ, гдѣ я былъ проездомъ въ Поморье. Нѣсколько довольно интересныхъ рукописей, выписки изъ таковыхъ же и книгъ, письма и, главное, нѣсколько тетрадокъ дневника, писаннаго частью стихами и 3 рисунка собственной работы оставила послѣ себя два года тому назадъ умершая «монастырка» Любовь Степановна Егорова, 3/4 своей долгой жизни (жила 75 лѣтъ), проводившая въ такой трудобѣ, какъ Корельскій Островъ. Она была дочь послѣдняго большака въ Даниловомъ монастырѣ, Степана Ивановича, пришедшаго туда изъ Каргопольскаго уѣзда въ дѣтствѣ нѣшкомъ; началъ Степ. Иван. пастухомъ, но своими талантами и умомъ достигъ степеней большака.

Еще, до своего замужества, живучи въ Даниловѣ, Любовь Степановна, чрезвычайно начитанная изъ монастырскаго бібліотеки, начала вести дневникъ и писать стихи и продолжала это почти всю жизнь, правда чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ рѣже и рѣже. Дневникъ ея крайне интересенъ для выясненія тѣхъ настроеній, какія существовали въ Выгорьцкихъ скитахъ ко времени ихъ закрытія; эти настроенія косвеннымъ образомъ можетъ быть и привели скиты къ упадку, кончившемуся катастрофой 1857 года. Л. С. кромѣ того была мастерица рисовать, вышивать, пѣть стихи по крюковымъ нотамъ; нужно-ли говорить, что всему этому она выучилась въ Даниловѣ 2).

Кромѣ рукописей, книгъ и иконъ и еще много памятниконъ Выгорьцкихъ скитовъ другого рода осталось въ Поморьѣ и главнымъ образомъ въ Заонежьѣ. Я говорилъ уже, что среди приобрѣ-

1) «Опис. рукописи и кн. въ Выголексинской библ.» стр. 7.

2) В. Н. Майновъ видѣлъ Л. С. Егорову, но не въ достаточной степени уразумѣлъ ее и потому нѣсколько небрежно объ ней отзываясь: «Старуха, дочь большакова, оказалась отличнымъ знатокомъ лексинскихъ порядковъ, существовавшихъ до разоренія. Много рассказывала интереснаго и въ концѣ концовъ, когда уѣздила, что я не смѣдишь, пригласила мнѣ цѣлую охапку книгъ и рукописей», и пр. «Поѣздка въ Обонежье и Корелу» стр. 165.

тенныхъ мной бумагъ. Любовь Степановна находится 3 рисунка ея работы, одинъ на бумагѣ, другой на пергаментѣ, и третій вышитъ шелкомъ по шерстяной ткани, натянутой на дощечку, вѣроятно служившую крышкою для ящика ¹⁾. Кромѣ этихъ образчиковъ мастерства Л. С., въ самомъ дневникѣ ея, въ одной изъ тетрадокъ находятся двѣ миниатюры, изображающія ея самое, сдѣланныя также акварелью, по рисунку правда совѣтъ первобытныхъ. Два рисунка ея-же работы на бумагѣ, со стихами подѣ рисунками, видѣлъ я еще въ двухъ домахъ въ Заонежьи.

Въ Даниловѣ, въ близлежащихъ отъ него деревняхъ и селахъ: въ Шолтопорогѣ, Березовѣ, Тихвинскомъ Бору, Чолмужахъ, въ Повѣнцѣ, въ Шуньѣ, въ Толвуѣ, въ разныхъ мѣстахъ Поморья: въ Сорокѣ, Шижнѣ, въ Сумѣ видѣлъ я кромѣ иконъ даниловскаго письма, иногда очень некусно написанныхъ, массу портретовъ, сдѣланныхъ акварелью или масляными красками. Наиболѣе распространены портреты наиболѣе извѣстныхъ большаковъ Данилова монастыря или по одиночкѣ, или по-двое, а иногда всѣ большаки вмѣстѣ, въ видѣ такъ наз. «древа благочестнаго». Видѣлъ я рисунки: общій видъ Данилова и Лексы, птицъ Сирина и Алконоста, и разныя душеполезныя изреченія, вставленные въ рамы причудливаго и довольно некусно сдѣланнаго орнамента. Портреты масляными красками, какъ большаковъ ²⁾, такъ и просто жителей выгорѣцкихъ скитовъ, наиболѣе хорошо исполнены и рѣзко отличаются отъ акварельныхъ, обыкновенно ду-

¹⁾ Рисунокъ на бумагѣ изображаетъ двухъ дѣвицъ: одна въ красномъ платкѣ съ желтымъ поясомъ сидитъ и протянутой рукою возлагаетъ на голову второй дѣвицы вѣнокъ; вторая дѣвица стоитъ въ зеленомъ платкѣ передъ первой на колѣняхъ, въ рукахъ держитъ тоже вѣнокъ; по бокамъ дѣвицъ кусты съ цвѣтами; земля желтая, гористая. Подѣ рисункомъ чернилами стихи:

Смотри на тѣ мѣста,
Въ которыхъ мы съ тобой,
Когда-то счастливо и весело вмѣстѣ жили и пр.

1856 года, декабря 15 Л. Егорова.

Рисунокъ на кускѣ пергамена изображаетъ лѣсъ, въ лѣсу домъ въ два этажа, у дома собака; на полянѣ между двумя деревьями стоятъ двѣ женщины. Внизу стихи въ 8 строкъ, писанные чернилами, рукою Л. С. Егоровой:

О, дружба, жизни украшенье,
Даръ лучшихъ смертныхъ отъ небесъ,
Ты ссѣдишь разлученныхъ,
Отчаянныхъ миритъ съ судьбой,
Улыбку возвращаешь скукѣ,
Душа тобой оживлена,
Не забывишь ты разлукѣ
И бѣдствію вѣрна, и т. д.

Вышивка шелкомъ на кускѣ шерсти изображаетъ гору, съ двумя кустами на ней; по бокамъ горы два дома, съ деревьями за ними; поверхъ деревьевъ три птицы; надъ птицами наверху вышивки: 1851 года августа 18.

²⁾ Одинъ портретъ неизвестнаго большака, но чуть-ли не послѣдняго: Степана Ивановича, и пріобрѣтъ.

бочныхъ. Послѣдній изъ иконописцевъ и портретистовъ, жившій въ Даниловѣ, извѣстный всѣмъ подѣ кличкой Куропать, умеръ всего за полгода, до моего прѣзда туда, древнимъ старикомъ; иконы его работы вы найдете въ каждой церкви, въ каждой часовнѣ, въ каждомъ домѣ почти въ Даниловѣ и около него. Кромѣ иконъ, Куропать писалъ портреты, расписывалъ яйца для христосованія на пасхѣ ¹⁾ и пр.

Кромѣ писанія иконъ, картинъ, портретовъ украшенія рукописей рисунками и пр. въ Даниловѣ расписывали красками и предметы обихода: столы, шкафы, сундуки и пр. Я видѣлъ нѣсколько столовъ, росписанныхъ изображеніями птицъ звѣрей, утвари, съ душеполезными надписями вокругъ, но всего любопытнѣе мнѣ показался шкафъ, весь росписанный цвѣтами, звѣрями, птицами, между которыми Сирина, очень хорошо исполненный. Всяческій рукодѣлья, иногда очень тонкія процвѣтали въ Даниловѣ монастырѣ: шитье, вышивание золотомъ, шелкомъ, шерстью и пр. и пр. Мнѣ пришлось пріобрѣсти женскія шелковыя подвязки съ удивительнымъ шитьемъ на нихъ, которое составитъ украшеніе любого музея русской старины и рукодѣлій.

Издѣлія изъ бересты совѣтъ художественно выдѣлывали въ Даниловѣ; я видѣлъ и отчасти привезъ съ собой табакерки, бурачки для ладана, корзины для рыбы и пр. покрытые рѣзьбой, со спудой подѣ ней, что выходитъ очень красиво. Издѣлія изъ мѣди и се, ребра производились также въ Даниловѣ. «Извѣстно, что Даниловъ долгое время былъ чуть не единственнымъ поставщикомъ иконъ для всѣхъ безионовцевъ Россіи» говоритъ Майновъ. Иконы и складни въ Даниловѣ дѣлали превосходно, иногда съ ажурными серебряными украшениями.

Всѣ жители Повѣнецкаго уѣзда и Заонежья обладаютъ прекрасной посудой (тазы, котлы, поливальники, дымилы и пр.) изъ красной мѣди, и все это сдѣлано въ Даниловѣ, который выработывалъ, говорили Майнову крестьяне, до 300 пуд. въ годъ различныхъ мѣдныхъ издѣлій, а олонекскій губернаторъ въ своемъ «описаніи Выгорѣцкаго общежительства» говоритъ, что только за продажу мѣдныхъ крестовъ выручалось (въ Даниловѣ) до 5,000 р. въ годъ ²⁾ Кресты, створы, пуговицы къ сарафанамъ скитниковъ и скитницъ выдѣлывали въ Даниловѣ и его окрестностяхъ изъ серебра, а въ XVIII вѣкѣ и серебряные рубли даниловскаго производства, прекрасно сдѣланные, извѣстны были всему Сѣверу и ходили дороже казенныхъ серебряныхъ рублей, ибо сдѣланы были изъ чистаго се-

¹⁾ Я видѣлъ два такихъ яйца: на одномъ акварелью изображенъ охотникъ съ ружьемъ и собакой, стрѣляющій утку; на другомъ—на одной сторонѣ море и корабль, скала, съ выходящимъ изъ-за нее солнцемъ; въ небѣ два горящіе сердца съ крыльями. На другой сторонѣ херувимъ.

²⁾ А. С. Пругавинъ, «Расколъ—сектанство», стр. 369.

обра¹⁾. Я лично приобрѣлъ въ Даниловѣ три желѣзныхъ и три мѣдныхъ печати мѣснаго производства. Особенно искусно сдѣланы печати мѣдныя, одна изъ нихъ въ видѣ брелока съ загадочными буквами, украшена эмалью голубого, зеленого и желтаго цвѣтовъ и орнаментомъ XVIII в.

Объ общемъ состояніи Данилова и Лекея официальный авторъ «Губернаторское описаніе Выгорѣцъ кагообществительства» приводитъ между прочимъ слѣдующія данныя: монастырь въ теченіи времени приобрѣлъ множество соревнователей и жертвователей, на деньги которыхъ приобретены бібліотека древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, множество дорогихъ старинныхъ иконъ, крестовъ, утвари. Заведены школы для обученія дѣтей обоего пола, учреждены больницы для пользованія больныхъ и призрѣнія престарѣлыхъ; для обеспеченія монастырскаго продовольствія было куплено множество пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель въ Повѣнецкомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ—только въ одной округности обществительства находилось до 14 пашенныхъ дворовъ или припасовъ. На Онежскомъ озерѣ Даниловъ имѣлъ нѣсколько пристаней, изъ которыхъ на одну только Пигматку ежегодно привозили до 10 тыс. пуд. хлѣба; Данилову принадлежать 2 лѣсопильныхъ завода, нѣсколько мельницъ, шесть ихъ судовъ ходили по Бѣлому морю и доставляли въ Сороку добытки промышленности; есть свидѣтельство, что даниловцы зачастую бывали на Грумантѣ (Шницбергент), а разъ добрался до Америки. Въ Архангельскѣ монастырь имѣлъ сыроварню и салотопню, въ Петербургѣ подворье; въ селеніи Чаженскомъ Каргопольскаго уѣзда была какъ-бы ферма, которая завѣдывала 13,078 десятинами земли и выкармливала много рогатаго скота. Въ 1835 г. только на своей мельницѣ даниловцы вымалывали до 4,000 четвертей ржи, а весь доходъ выгорѣцкихъ пустынно жителей достигалъ до 200,000 рублей. Но неужно забывать, что за тотъ годъ и содержали они въ обществительствѣ 1,026 чел. мужчинъ и 1,829 женщинъ, т. е. почти 3,000 человекъ. Кроме того, говоритъ г. Е. Барсовъ «Окрестные повѣнецкіе корелы во множествѣ работали на этотъ монастырь и кормились отъ него. Для жителей бѣднаго края, житницы выговскиххъ пустынноиковъ были благодѣтельны во время голода».

И вотъ разорили такой разсадникъ грамотности въ такомъ дикомъ глухомъ краѣ, громадную школу ремеслъ и руководѣлій тамъ, гдѣ только и могли, что ковырять земледопотной сохой, да боронить суковаткой; разорили огромное и сложное, прекрасно поставленное хозяйство, которое кормило не только лицъ этимъ хозяйствомъ управлявшихъ и въ немъ работавшихъ, но всегда поддерживало и бѣдное полуголодное окрестное населеніе. Разорили только

потому, что эту громадную хозяйственно-духовную общину завелъ и возвелъ до совершенства самъ народъ, въ лицѣ своихъ грамотнѣйшихъ представителей—старообрядцевъ, а не насаждалъ ихъ сотнями и тысячами приказовъ и предписаній какой-нибудь Аракчеевъ въ гражданскомъ мундирѣ или духовной рясѣ.

Разорили 150 лѣтъ существовавшую общину, разогнали жителей, власть напѣвываясь надъ тѣмъ, что было всеъ мило, свято, дорого, нѣкоторымъ дороже жизни. 7 мая 1857 года, рассказываетъ г. Е. Барсовъ¹⁾ «выговцы собрались вечеромъ въ часовню на всеобщую ко дню Иоанна Богослова. Большаякъ вынесъ изъ кельи свою икону, чтобы итти передъ ней величаніе: въ это время чиновникъ Смирновъ, со становымъ приставомъ, волостнымъ головой и понятыми, явился въ часовню, объявилъ собравшимся, чтобы прекратили служеніе и вышли вонъ; потомъ запечаталъ часовню и приставилъ къ ней караулъ». Такъ варварски грубо было это сдѣлано. На утро («цѣлыя горы иконъ, крестовъ, книгъ и складней были павалены и увезены неизвѣстно куда»). Чиновники нарочно сажались на роза, чтобы показать свое презрѣніе къ тому, на чемъ они сидѣли²⁾. Сокровища русской старины, отобранныя отъ тѣхъ, кто такъ-же легко разбирался въ нихъ, какъ рыба легко плаваетъ въ водѣ, были доставлены въ Петрозаводекъ, гдѣ встрѣтили полное равнодушіе, если только не сказать презрѣніе глубокихъ невѣждъ. Такъ, напр. принято и обстоятельно описать рукописи и утварь изъ моленной поручено было членамъ мѣстной духовной консисторіи протоіерею магистру Федору Рождественскому, ключарю собора кандидату Иоанну Другову и эконому архіерейскаго дома игумену Наоанангу. Лица эти при желаніи все-же могли-бы «обстоятельно», какъ это требовалось на бумагѣ, описать рукописи и утварь, но такъ какъ ни то, ни другое ихъ совершенно неинтересовало, то они и поручили заняться описаніемъ рукописей неокончившему курсу семинаріи діакону Ильинскому и пономарю Ухотскому³⁾. А затѣмъ В. Н. Майновъ видѣлъ эти жалкіе остатки драгоценной когда-то Выголекенской бібліотеки и поразился «печальнымъ зрѣищемъ» видѣннаго: «книги лежатъ въ сырой комнатѣ и гниютъ отъ сырости; тамъ-же въ углу валяется и нѣсколько иконъ святыхъ, признаваемыхъ православной церковью»⁴⁾. Въ Лекеѣ Майновъ побывалъ подъ колокольней и то, что онъ увидалъ тамъ, но его словамъ «могло-бы убитъ на мѣстѣ бібліофила⁵⁾: книги, рукописи, утварь все свалено въ кучу и гниетъ»... Я нынче въ Даниловѣ былъ на коло-

¹⁾ Е. Барсовъ. «Описаніе рукописей въ Выголекенской бібліотекѣ», стр. 13.

²⁾ В. Н. Майновъ. «Поѣздка въ Обонежье и Корелу», стр. 145.

³⁾ Е. Барсовъ, стр. 12.

⁴⁾ В. Н. Майновъ, стр. 43.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 155.

¹⁾ В. Н. Майновъ. «Поѣздка въ Обонежье и Корелу» стр. 118—120.

кольнѣ и также своими глазами видѣлъ приблизительно вѣка 2—3 иконъ, когда-то вѣроятно цѣнныхъ, теперь-же уже совершенно испортившихся отъ температурныхъ вліяній.

III.

Здѣсь мнѣ будетъ кѣсати сказать о гибели нашей русской старины вообще на нашемъ Сѣверѣ, насколько я его знаю, и о томъ, какъ относится къ этой старинѣ и ея гибели съ одной стороны духовенство, съ другой старообрядцы и къ чему это различное отношеніе къ старинѣ ведетъ.

Сѣверъ нашъ богатъ памятниками старины, но особенно богаты ими изъ видѣнныхъ мною мѣстностей, Заонежье и Поморье. Здѣсь много старинныхъ деревянныхъ церквей интереснѣйшей архитектуры, а въ нихъ не мало старыхъ предметовъ церковнаго прихода; въ нѣкоторыхъ церквахъ встрѣчаются и рукописи. Рукописи видаль я въ церквахъ низовой Печоры, на Мезени, въ Поморьѣ, въ Заонежьѣ, въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ. Подробно о рукописяхъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ, здѣсь-же скажу только, что вездѣ почти я видѣлъ къ старымъ русскимъ рукописямъ отъ православныхъ батюшекъ такое отношеніе. Въ рукописяхъ батюшки въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно непонимаютъ, потому рукописей не цѣнятъ, а вѣдѣтвіи этого легко съ ними и расстаются, если являютъ желаніе приобрести ихъ; а если таковыхъ не явится, «негодныя» рукописи сваливаются въ такія мѣста, откуда онѣ легко расхищаются или гибнутъ отъ сырости. Въ Оксинѣ на Печорѣ, въ Сумѣ и въ Кандакшнѣ видѣлъ я, какъ рукописи и старопечатныя книги валяются безъ всякаго вниманія среди старыхъ облупившихся иконъ и лозаной утвари и мебели. Знаю я и такой примѣръ: только что кончившій семинарію батюшка прѣхаль на мѣсто службы въ одно изъ селеній Поморья. Принимая церковъ, въ библиотечномъ шкафу въ алтарѣ онъ увидѣлъ нѣсколько рукописей и старопечатныхъ книгъ: «сверните куда-нибудь эту старовѣрскую дрянъ!» сказала батюшка. Старовѣрскую «дрянъ» убрали и довольно цѣнные, даже просто въ денежномъ смыслѣ, старопечатныя книги хранятся теперь у одного изъ мѣстныхъ книголюбовъ.

Сказанное въ отношеніи хранения по церквамъ рукописей, цѣлкомъ приложимо и по отношенію всей остальной старины, на всемъ нашемъ сѣверѣ. На страницахъ «Живой Старинѣ» (статья «По Чердынскому уѣзду») мнѣ уже приходилось говорить относительно гибели старины въ Чердынскомъ уѣздѣ; тоже самое въ полной мѣрѣ наблюдается и въ Поморьѣ, и на Мезени, и на Печорѣ и въ Заонежьѣ: варварски «реставрируются» старинныя иконы, а реставрація эта состоитъ въ томъ, что не только чистятъ иконы и задымляютъ облупившіяся мѣста, но совсѣмъ измѣняютъ цвѣта красокъ, напр., строгій темный тонъ замѣняютъ «веселымъ», обыкно-

венно голубымъ, вмѣсто золота на нимбахъ кладутъ охру, и пр. и пр., а то и совсѣмъ перемазываютъ, какъ это я наблюдалъ на Мезени, во многихъ селахъ Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ. Особенно поразило меня полное разгромъ всей старины въ церкви Рождества Богородицы въ городѣ Мезени. Удивительно оригинальной вышности этой церкви (см. рисунокъ при статьѣ моей въ 3—4 вып. «Живой Старинѣ» за 1902 г.) соответствовала такая-же и внутренность ея. Но когда я былъ въ Мезени, внутри церкви Рождества Богородицы царилъ хаосъ. Старая обстановка церкви, старыя иконы, иконостасъ съ лѣтоспешью надъ однимъ изъ ярусовъ иконъ, все это показалось «неприличнымъ» нынѣшнему церковному старостѣ мезенскихъ церквей, купцу Ружникову, и вотъ онъ задумалъ переменить все иконы и вообще всю обстановку. Старыя иконы, правда слегка оперхавшія, были вынуты изъ своихъ мѣстъ и замѣнены новыми, но гораздо худшаго качества. Къ полному небреженію, иногда совсѣмъ къ забросу предназначались такія иконы, напр., какъ удивительной рѣзной Георгій, снимокъ съ котораго приводилъ въ восхищеніе знатоковъ старины здѣсь, въ Петербургѣ¹⁾. То, что я видѣлъ въ обширномъ видѣ въ Мезени, по мелочамъ продѣлывается вездѣ, на всемъ сѣверѣ. Вездѣ есть стремленіе старыя иконы замѣнять новыми, почти всегда худшаго качества, но блистающимъ свѣжестью и яркостью красокъ; вездѣ стараются сорвать съ кровли церкви оригинальное чешуйчатое покрытие и замѣнить его простымъ тесомъ или желѣзомъ; башню, когда-то входившую въ «стѣну городую», сейчасъ-же утилизируютъ и обращаютъ въ хлѣвъ для скота (въ Сумѣ), а если башня совсѣмъ уже разваливается, вмѣсто того чтобы ее поддержать, стараются поскорѣй распилить ее на дрова; старинныя церкви, связанные даже съ именемъ опредѣленнаго историческаго дѣятеля и даже святаго, если они немного тѣсны, безжалостно разрушаются и на ихъ мѣстѣ строятся новыя, болѣе обширныя (напр. въ Печенгскомъ монастырѣ). Почти все наши священники имѣютъ очень большую склонность къ просторнымъ свѣтлымъ «веселымъ» церквамъ, къ легкимъ, яркимъ, «веселенькимъ» краскамъ, сіяющимъ лакомъ иконамъ, блистающимъ панкадиламъ и пр. и пр. Вкусы вполне естественные и ничего нѣтъ худого, если вкусы эти примѣняются къ вновь строящимся церквамъ. Но когда священникъ съ такими вкусами ко всему свѣтлому, яркому, блестящему попадаетъ на службу въ старую, полутемную древнюю церковъ, вся красота которой именно и заключается въ полномъ соответствіи всей ея внутренней обстановки съ ея величиной и даже темнотой,— старина тогда часто безжалостно изгоняется, въ лучшемъ случаѣ

¹⁾ По моему указанію завѣдующему Епархіальнымъ древне-хранилищемъ въ г. Архангельскѣ, І. М. Сибирцеву, рѣзная икона св. Георгія вытребована изъ Мезенской церкви Рождества Богородицы и находится теперь въ вышеуказанномъ древнехранилищѣ, составляя одинъ изъ лучшихъ жемчужинъ его.

обидно игнорируется, и ей предоставляется полный просторъ гибнуть отъ недосмотра и ухода за нею.

Гибель старины, кромѣ своего прямого значенія, на сѣверѣ Россіи имѣетъ еще одну сторону. Старина на сѣверѣ заключается обыкновенно въ церквахъ, и во всемъ къ церквамъ болѣе или менѣе относящемся: въ иконахъ, въ предметахъ церковнаго обихода, въ старопечатныхъ книгахъ, въ рукописяхъ. Крестьяне Архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ прибрежной ея полосы, цѣлкомъ почти все старообрядцы; если-же они не старообрядцы, то уже непременно съ сильной приверженностью къ старообрядчеству. Напр., все жители Пустозерской волости на Низовой Печорѣ не только официально православные, но и все, за рѣдкими исключеніями, ходятъ въ православную церковь, обращаются за требами къ православному священнику и пр. Но въ то же время они молятся непременно «старымъ» крестомъ, имѣютъ въ домахъ лѣстовки, кадильницы, мѣдные иконы, исполняютъ нѣкоторые старые обряды, не особенно расположены къ священникамъ и слишкомъ уже критически къ нимъ относятся. Такъ и вездѣ: или старообрядцы, или съ сильной приверженностью къ старообрядчеству. Любовь же нашихъ старообрядцевъ къ старинѣ во всехъ ея видахъ общезвѣстна. За старый крестъ, старыя книги, старые обряды въ концѣ XVII-го вѣка люди эти безтрепетно шли на костры, а въ XVIII сами сжигались тысячами, не желая ни юты уступить изъ того, что, по ихъ мнѣнію, было освящено тѣмъ только, что было старо, было свято древностью. Изъ области вѣры любовь къ старинѣ наши старообрядцы перенесли и во весь укладъ жизни, съ его старыми свѣчами и обычаями, со старой обстановкой, старымъ искусствомъ, выражающимся въ иконахъ-ли—предметахъ поклоненія, въ книгахъ-ли—предметахъ воспаренія отъ суеты мірской въ область горнюю; въ предметахъ-ли обихода, простой житейской обстановки. Любовь нашихъ старообрядцевъ къ старинѣ вѣрину удивительна.

Могутъ засвидѣтельствовать положительно благоговѣйное отношеніе нашихъ старообрядцевъ къ старымъ иконамъ, книгамъ, рукописямъ. Тщательно хранятся не только цѣлыя книги, рукописи или разбитые экземпляры ихъ, внимательно подбираются обрывки такъ-выхъ, отдѣльные листы, не имѣющіе значенія части листовъ, и все это обыкновенно собирается вмѣстѣ, сшивается и, заключается въ корки, чтобы лучше хранилось. И такое благоговѣйное отношеніе старообрядца къ старинѣ, какого-бы онъ толка ни былъ безразлично, проглядываетъ и въ отношеніи иконы, и въ отношеніи древней вещи церковнаго обихода, и въ отношеніи стила церкви, внутренняго ея убранства, покрытія главъ и крыши, самыхъ стѣнъ даже, потому что «святая древность» кладетъ свою неизгладимую печать предести и на простыя бревна, изъ которыхъ построена церковь.

И вотъ при такомъ-то любованіи стариной, при такомъ поло-

жительно умиленій къ ней, старообрядцы, какъ нарочно въ громадномъ большинствѣ священниковъ православныхъ церквей видятъ чуть-ли не враговъ ей, этой старины. Нужно знать, что даже очень упорные старообрядцы, не имѣя никакого общенія съ православной церковью и священниками, все-же не перестаютъ интересоваться ею, даже наоборотъ: еще тщательнѣе, чѣмъ православные прихожане, слѣдятъ старообрядцы за тѣмъ, что и какъ происходитъ въ церкви. Поэтому ни одинъ фактъ небрежнаго отношенія къ какой нибудь древней церковной вещи, иконѣ книгѣ не ускользаетъ отъ вниманія старообрядцевъ. А часто происходитъ случаи не только небрежнаго отношенія, но прямо, иногда ничѣмъ необъяснимой злобы¹⁾ противъ старины, или по крайней мѣрѣ случай обиднаго ея игнорирования. Все подобныя случаи тотчасъ-же становятся извѣстны среди мѣстныхъ старообрядцевъ, горячо обсуждаются, причемъ часто случай простого небрежнаго отношенія, принимается въ глазахъ старообрядцевъ форму намѣренного «гоненія старины». Все эти случаи ведутъ къ большому разединенію двухъ враждующихъ станомъ, соединиться которымъ была бы обоюдная польза: священники, особенно молодые, часто просто по неопытности и излишней неадаптивности и суровости, остаются въ старообрядческихъ приходахъ безъ прихожанъ; а прихожане, т. е. жители глухихъ мѣстъ, каковыми является цѣлкомъ вся Архангельская губернія, много теряютъ отъ того, если хоть одинъ культурный человѣкъ, живущій среди нихъ, долженъ почему нибудь отъ нихъ отдаляться.

Кончая свои замѣтки не могу не отозваться на послѣднія вѣсти изъ законодательныхъ сферъ, касающіяся предмета о которомъ я говорилъ здѣсь. Газеты сообщаютъ, что Комитетъ Министровъ въ засѣданіи 25 января «категорически высказался за отмѣну всехъ стѣсненій и правовыхъ ограниченій старообрядцевъ, за отмѣну самого закона о преслѣдованіи старообрядцевъ». Наконецъ-то, можно теперь надѣяться, старообрядцы послѣ двухъ съ половиною вѣковъ сначала гоненій, затѣмъ стѣсненій болѣе или менѣе упорныхъ, вздохнуть свободнѣе, будутъ обладать хоть тѣмъ немногимъ, что есть у всехъ остальныхъ русскихъ, православныхъ. Радость правда небольшая, но если вспомнить, что еще можно сказать вчера старообрядцы не смѣли мечтать и объ этомъ немногомъ, то и это уже шагъ впередъ, ставящій старообрядцевъ въ ряды всехъ русскихъ гражданъ, такъ горячо желающихъ полнаго обновленія нашей родины.

25 января 1905 г.

Н. Оичуковъ.

¹⁾ В г. Перми, повидимому священникъ П. В. Кондаковъ напечаталъ «Шлебинскіи души христіанской» (76 стр.) Возмущаясь тѣмъ, что до сихъ поръ въ народѣ ходятъ списки Іерусалимскія, о 12 витницахъ, мученія Кирива и Улиты, авторъ говоритъ: «Самое вѣрное средство избавиться отъ нихъ, сжигать ихъ, и прочая тоже совѣтывать. Слава Богу нынѣ издано напечатано многое множество книгъ законныхъ, только не лѣнись, читай и твори добрыя дѣла». (стр. 63).